

33. Силантьев Р.А. (2007). Россия ваххабитская. Режим доступа: <http://www.gazetanv.ru/article/?id=833>
34. Ставропольская правда (2018). Из выступления Патрушева Н.П. в ходе выездного совещания в Черкесске 11.04.2018 г. Террористы рвутся на Кавказ. Режим доступа: https://yandex.ru/turbo/stappravda.ru/s/20180413/terroristy_rvutsya_na_kavkaz_119517.html
35. ТАСС (2018). АТЦ СНГ: «спящие ячейки» террористов существуют во многих странах. Режим доступа: <https://tass.ru/politika/5736238> (дата обращения: 04.12.2020).
36. Халидов В. (2012). Возможен ли диалог с «лесной уммой»? Режим доступа: http://islamio.ru/news/society/vozmozhen_li_dialog_s_lesnoy_umмой/
37. Ханбабаев К.М. Этапы распространения ваххабизма в Дагестане // Алимь и ученые противваххабизма. – Махачкала, 2001.
38. Хонёрская Л.Л. «Исламское государство 2.0»: нарастающая угроза на евразийском пространстве // Caucasian Science Bridge. 2018.1 (1). С. 51–64.
39. Cohen A. Hizbut-Taqhrir. An Emerging Treat to U.S. Interests in Central Asia // The Heritage Foundation. 2003. 30 May.
40. U.S. Department of State (2018). United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). Available at: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/>

Сченснович В.Н.*
МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(Аналитический обзор)

DOI: 10.31249/rimm/2021.03.02

***Аннотация.** В обзоре анализируются наиболее существенные черты государственной миграционной политики современной России. Акцентировано внимание на религиозном факторе, этнополитике, регулировании внешней трудовой миграции, адаптации и интеграции мигрантов-мусульман.*

***Ключевые слова:** миграция; этнорелигиозный состав населения; мусульмане; ислам; анклавь; демографические тренды; миграционная политика; государственное управление; мусульманские религиозные организации; регулирование внешней трудовой миграции; адаптация и интеграция мигрантов; рынок труда; иностранная рабочая сила (ИРС); квоты.*

* Сченснович В.Н., научный сотрудник, отдел Азии и Африки, ИНИОН РАН, e-mail: vl-lyuba9@yandex.ru

Введение

В современном мире миграционные процессы приобрели небывалый размах. Миграция стала одним из ключевых факторов социальных процессов. В РФ миграция определяется общемировыми тенденциями: естественной убылью населения, недостатком рабочей силы, неравномерным экономическим развитием регионов. К вышеперечисленным факторам добавляется участие России в интеграционных объединениях на постсоветском пространстве. При этом рост численности мусульманской части населения и формирование мусульманских анклавов вызывают опасения у россиян.

В структуре внешней миграции первенство принадлежит трудовой миграции. Большинство приезжающих на работу – мусульмане. Демографические тренды позволяют прогнозировать значительный рост присутствия мусульман и изменение этнорелигиозного состава населения российских регионов. Проблема адаптации мигрантов требует комплексного подхода, к которому не всегда готовы религиозные и общественные организации. Просветительское влияние российского мусульманского духовенства могло бы способствовать инкультурации мигрантов-мусульман. В то время как неэффективность адаптации и инкультурации ведет к росту межэтнической и межрелигиозной напряженности.

Статья доктора философских наук Т. Прониной (ЛГУ им. А.С. Пушкина, Санкт-Петербург) [6] «Миграция в современной России и религиозный фактор» основана на анализе материалов опросов и интервью, проведенных в регионах РФ в 2016–2020 гг.

Миграционный поток в Россию увеличился после распада Советского Союза в связи с ухудшением политического и экономического положения в бывших республиках СССР. В динамике 2017–2019 гг. вновь наблюдается рост миграции в РФ. В 2019 г. в России встало на миграционный учет 19,5 млн человек. С целью трудоустройства прибыло около 5,5 млн человек. Эта цифра в действительности может быть в 1,5–2 раза больше. Неизменной на протяжении ряда лет остается доля граждан СНГ среди прибывающих иностранцев – около 85%, из них 40% приезжают из государств Средней Азии, в основном – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии. Постоянно на территории находится не менее 9,8 млн иностранных граждан, это около 7% от численности населения.

Однако если учитывать единовременно прибывающих в РФ, с учетом и нелегальных трудовых мигрантов, то количество может возрасти до 10 млн. При этом собственное мусульманское насе-

ние России – около 20 млн человек. В общей сложности, в стране находятся около 30 млн мусульман. Это более 20% населения. В будущем могут произойти существенные изменения в этнорегиональном составе российского населения. Миграция, таким образом, становится не только демографическим фактором, но и оказывает важную роль в политических процессах.

Самая широкомасштабная внешняя миграция в РФ – трудовая. В основном она носит «циркулярный», временный характер. Налоговые отчисления иностранных работников приносят существенный доход государству: за 2018 г. – это 45 млрд руб. По мнению экспертов, от миграции Россия имеет двойную выгоду: мигранты создают материальные блага, осуществляют миграционные выплаты, платят налоги в самой России, повышая ее ВВП, и за счет денежных перечислений стабилизируют ситуацию в ближайших к России регионах. Главные центры притяжения внешней миграции в РФ – Центральный и Северо-Западный федеральные округа. Более половины (57%) от всех иностранных граждан, въехавших в РФ с целью трудоустройства, встает на учет в четырех регионах – Москва и Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области. Это регионы динамично развивающиеся, с наибольшим привлечением инвестиций, здесь активно ведется строительство различных объектов, много рынков, развитая сфера услуг. Основные отрасли занятости иностранных мигрантов – это строительство (34%), сфера услуг (13%), обрабатывающие производства (10%), сельское хозяйство (7%).

Как показывают исследования, отношение россиян к мигрантам ныне обнаруживает тенденцию к ухудшению. Местные жители нередко склонны винить приезжих в существующих социально-экономических проблемах. По данным опроса, проведенного сотрудниками Центра религиоведческих и этнополитических исследований ЛГУ им. А.С. Пушкина в одном из центральных регионов России в 2016 г., только 20% респондентов считают, что присутствие мигрантов полезно для страны и региона, 26,6% ответили, что их не должно быть в стране, 17,2% высказались, что испытывают к мигрантам неприязнь, 35,9% – ответили, что им все равно. Среди причин неприязненного отношения были названы следующие: агрессивное поведение – 64,1%; пренебрежение местными традициями и нормами поведения – 39,3; криминальная деятельность – 35,3; нарушения общественного порядка – 32,5, представляют опасность – 21; занимают рабочие места россиян – 19,4%. На вопрос: «Какие действия должны предпринимать власти

по отношению к мигрантам?» – большинство высказалось в пользу ограничительных мер: 60% респондентов ответили, что следует ограничить приток мигрантов и контролировать незаконную миграцию, 14% считают, что следует ограничить для мигрантов виды допустимых работ и размер оплаты труда, только 7% высказались, что следует облегчить правовые нормы въезда и проживания.

В отношении россиян к мигрантам преобладают негативные настроения. По результатам мониторингового исследования, проведенного социологическим центром «Мегаполис» в 2014 г. посредством телефонного опроса 1000 петербуржцев, 46,4% ответили, что приезжающие в город на временную работу граждане из бывших союзных республик и Северного Кавказа создают проблемы. На вопрос: «А чем конкретно они Вам мешают, какие проблемы создают?» – петербуржцы назвали целый ряд причин, среди которых основные: «их стало очень много» – 47,6%; «ведут как у себя дома» – 25,2; «плохо ведут себя в общественных местах» – 17; «занимают наши рабочие места» – 13,8; «не хотят жить по нашим законам, традициям» – 12,7; «не хотят говорить по-русски, общаются только на своем языке» – 12,3; «среди них много преступников» – 9,3% и др. На вопрос: «Кто виноват в возникающих проблемах?» – респонденты ответили: «миграционные службы» – 25%; «сами иностранные рабочие» – 22; «приглашающие фирмы» – 19,8%.

Адаптация и интеграция мигрантов в России имеет свои особенности. Поскольку основной миграционный поток носит циркулярный характер, то большая часть мигрантов вообще не ориентирована на интеграцию. Для них приемлемый вариант – это уровень адаптации, позволяющий выжить в стране и заработать денежные средства: минимальное знание русского языка, достаточное для общения в быту. Как констатировали представители Фонда помощи трудовым мигрантам в Петербурге, попытка организовать бесплатные курсы русского языка для выходцев из Узбекистана потерпела фиаско: на занятия почти никто не пришел. Опросы показали: лишь небольшая часть мигрантов хочет, но не может ходить на такие курсы – времени не хватает. Остальные честно признались, что русский язык им не нужен. По словам респондентов-мигрантов, важно иметь представления о процедурах и документах, необходимых для оформления, желательно иметь знакомых, которые помогут на первое время найти жилье и работу. О какой-либо культурной интеграции речь не шла. Нередко мигранты отрицательно воспринимают многие нормы и традиции страны

прибытия. Социологи усматривают причину этого в высокой степени анклализации, когда у приезжих нет повода и потребности общаться с местным населением.

По вопросу, есть ли в России этнорелигиозные анклавы, мнения экспертов расходятся. Как правило, представители официальных государственных органов считают, что таковых нет. Действительно, если иметь в виду анклавы, подобные тем, какие сформировались на окраинах или в пригородах крупных городов Франции, Германии, Бельгии, то таких в России пока нет. Причина этого – невысокий масштаб иммиграции. Трудовая же миграция носит временный характер – по статистике, лишь около 20% приезжающих хотят остаться в России. Представителей второго поколения иммигрантов, которые родились в стране прибытия, также немного. Однако часть исследователей полагают, что анклавы в Москве и Санкт-Петербурге существуют (Т.З. Протаснко, И. Белобородов). Приезжие, замечают исследователи, живут обособленно, по собственным, неясным для россиян законам и правилам. Горожане боятся таких «анклавов», считая, что не могут чувствовать себя рядом с ними безопасно. Лет через десять «анклавы» станут неуправляемыми извне, их население будет расти. Как следствие, они начнут изменять культурный фон, уклад жизни и традиции. Это обычная практика для городов, где доля мигрантов превышает 10–12%, а в Москве сегодня мигрантов более 20%.

По убеждению Т. Прониной, предпосылки для формирования «параллельных обществ», отражающих процесс анклализации, в российских городах уже есть. Главная – длительное пребывание на территории РФ – около 6 месяцев и более – значительного числа мигрантов. После отъезда их сменяют новые работники, которые часто селятся в тех же местах – в итоге их сосредоточение может быть значительным.

В Москве районы компактного проживания мигрантов – это окраины города. Похожая ситуация и в Петербурге – здесь мигранты также селятся в районах с низкой платой за аренду жилья, вблизи мест работы. Подобные районы есть и в других городах: Нижнем Новгороде, Самаре, Уфе, Оренбурге. При отсутствии или недостатке механизмов адаптации происходит сегрегация таких сообществ. Увеличивается количество мигрантов и в российском селе. Например, в Астраханской, Волгоградской областях мигранты составляют существенную долю в сельскохозяйственной деятельности, связанной с сезонными работами по уборке бахчевых культур и овощей. Данная ситуация оценивается полярно: от «за-

претить, это приведет к конфликтам» до «они спасут умирающую русскую деревню». Эксперты признают, что обойтись без мигрантов село не может.

Большинство трудовых мигрантов в России – мусульмане. Однако интенсивность их религиозности, по мысли исследователя, существенно отличается в поколениях. В интервью автора статьи фиксируется, что приехавшие 15–20 лет назад в Петербург выходцы из Средней Азии менее религиозны, чем приезжающие сегодня к ним молодые родственники, которые очень религиозны. Под влиянием последних и старшие родственники становятся более религиозными. Экспертные интервью с лидерами мусульманских общин, национальных центров говорят о том, что религиозность мигрантов нередко отличается от традиционного для того или иного региона России ислама, имеет интенсивный характер, обнаруживает черты избранничества; приезжие ориентируются на авторитет лидеров, которые были их наставниками дома. Все это осложняет их инкультурацию. Наблюдается и такая тенденция: в некоторых регионах имамы, получившие религиозное образование за рубежом в 1990–2000-е годы, легче выстраивают общение с мигрантами. В результате, происходит вытеснение из общины аутентичных членов, размежевание общин по этническому признаку. По прогнозу политолога Абдуллы Рината Мухаметова, коренное мусульманское население России само станет меньшинством на своей территории по отношению к среднеазиатскому большинству (вчерашним мигрантам).

Координировать усилия по адаптации мигрантов могут общественные советы по взаимодействию с религиозными организациями и централизованные религиозные организации. Но деятельностью общественных, государственных структур охвачено незначительное число мигрантов. Об общественных национальных организациях мигранты чаще всего и не слышали. А в мечетях и молельных комнатах бывают многие из них. Однако здесь пока можно говорить о большом потенциале, но не о значительных реальных достижениях. Работа с мигрантами ограничивается проведением собраний с приглашением сотрудников Федеральной миграционной службы, которые разъясняют, как оформить регистрацию и патент, предупреждают о недопустимости правонарушений и др. В проповедях имамы говорят о необходимости соблюдения российских законов, уважительного отношения к местным жителям и представителям всех национальностей и религий.

По убеждению Т. Прониной, неэффективность религиозных организаций в адаптации мигрантов связана, в том числе, с объективными причинами. Именно мусульмане-мигранты, большинство которых находится в крупных российских городах, в силу нехватки мечетей, молельных домов оказываются вне сферы влияния представителей российского мусульманского духовенства. Тогда как просветительское влияние духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности, могло бы стать эффективным способом адаптации и препятствовать тенденциям сегрегации мигрантских сообществ.

В статье «Формирование и институционализация государственной миграционной политики» доктор политических наук В.Ю. Зорин (Финансовый университет при Правительстве РФ) и кандидат политических наук М.А. Бурда (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) [1] анализируют особенности, оказывающие влияние на формирование миграционной политики современной России. Авторы приводят статистические данные, экспертные оценки, рейтинги и правовые акты.

Исследователи отмечают, что тема внешней миграции является одной из наиболее острых и актуальных в общественно-политическом пространстве. Вместе с тем понимание внешней миграции на уровне экспертов и общества зачастую разнится. Экспертное сообщество в настоящее время в целом положительно рассматривает механизмы внешней миграции в контексте решения определенных проблем на российском рынке труда и сложной демографической ситуации. В свою очередь, часть российского общества настроена в отношении внешней миграции консервативно и связывает с миграцией рост уровня бытовой преступности, распространения наркотиков и террористических рисков. Социологические опросы демонстрируют, что две трети россиян поддерживают рестриктивные меры правительства России, направленные на ограничение притока приезжих. Например, «Левада-Центр» в 2019 г. получил следующие результаты: 72% опрошенных высказались за необходимость ограничивать приток трудовых мигрантов; 63% опрошенных отметили: «Присутствие мигрантов в нашем городе / регионе чрезмерно»; 64% опрошенных заявили: «Мои родственники и знакомые готовы делать работу, которую сейчас выполняют мигранты».

Авторы рассматривают модель современной российской миграционной политики, когда была принята последняя редакция

Концепции государственной миграционной политики РФ на период до 2025 г. Они отмечают, что утвержденная президентом В.В. Путиным новая миграционная концепция является результатом переработки и совершенствования, с учетом меняющейся политической ситуации, механизмов, заложенных в Концепции миграционной политики 2012 г. Такой подход позволил эволюционно реформировать механизмы государственного управления в миграционной сфере. В период реализации предыдущей миграционной концепции органы власти ввели новые аспекты в миграционное законодательство, среди них:

- дифференциация правил осуществления временной трудовой деятельности иностранных граждан на территории РФ;
- совершенствование, в том числе и нормативно-правовое, механизмов противодействия нелегальной миграции и ее организации;
- корректировка российских нормативно-правовых актов в части разъяснения порядка их применения к иностранным гражданам, находящимся в РФ, в рамках Трудового кодекса РФ.

Возможность с января 2015 г. осуществлять временную трудовую деятельность в России на основании патента позволила российской миграционной системе дифференцировать внешнюю трудовую миграцию не только по качественным критериям – общий порядок, квалифицированный специалист, высококвалифицированный специалист, – но и по «страновому» критерию. В настоящее время выражены три «страновых» критерия. Максимальный уровень преференций распространяется на трудовых мигрантов из государств – членов ЕАЭС (Армении, Белоруссии, Казахстана и Киргизии), для которых образован единый рынок труда рабочей силы на всей территории Союза. Ко второму уровню допуска относятся мигранты из государств – членов СНГ, не являющихся членами ЕАЭС (Азербайджана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана и Украины), на которых с 2015 г. распространяются правила института «патентирования». К третьему уровню можно отнести все остальные государства, мигрантам из которых при осуществлении временной трудовой деятельности в России необходимо оформлять разрешение на привлечение иностранной рабочей силы и разрешение на работу. Реализация трехуровневой системы позволила отказаться от механизма квотированного привлечения иностранной рабочей силы, который имел потенциал коррупционных правонарушений, а также не всегда отвечал актуальным запросам и потребностям российского рынка труда в иностранной

рабочей силе и в этой связи критиковался бизнес-сообществом и общественными организациями.

Миграция, как сложное явление, зависит от взаимодействия политического, экономического, социального и гуманитарного аспектов реализуемой государством политики. Реализуемая в рамках российской миграционной системы модель управления миграционными процессами, формируемая органами государственной власти при активном участии институтов гражданского общества, позволяет достичь баланса между политическими, экономическими и демографическими интересами государства, с одной стороны, и обеспечением национальной безопасности, защиты прав местного населения и легальных мигрантов – с другой.

Ведущие российские эксперты в сфере миграции считают необходимой корректировку существующей миграционной системы в части совершенствования подходов привлечения мигрантов не только для осуществления временной трудовой деятельности в России, но и последующей их интеграции в российское общество в качестве его новых полноправных членов. Однако, как утверждают доктор политических наук О.В. Михайлова (РУДН), кандидаты политических наук М.А. Бурда и О.Е. Гришин (РУДН) [5] (статья «Государственная миграционная политика России: актуальные вопросы внешней трудовой миграции»), политические режимы республик Центральной Азии видят внешнюю миграцию в РФ в иной парадигме. Миграция своих граждан для работы в России рассматривается в этих государствах как механизм, позволяющий минимизировать внутривнутриполитические риски, связанные с невысоким уровнем жизни и безработицей. Исследователи также отмечают, что денежные переводы трудовых мигрантов в страны исхода продолжают оставаться значимым аспектом экономической стабильности государств – доноров миграции. Кроме того, и непосредственно сами трудовые мигранты зачастую не рассматривают Россию как новое место жительства.

Авторы подчеркивают: указание в миграционной карте цели въезда в РФ «работа» не дает права осуществления временной трудовой деятельности иностранным гражданам из государств – участников СНГ. Согласно статистическим данным МВД России, необходимые документы – патенты и разрешения на работу – получают лишь порядка 36%. Очевидно, что определенная часть мигрантов, не оформивших документы, осуществляет временную трудовую деятельность нелегально. Существенная часть мигран-

тов становятся нелегалами непреднамеренно, и в ряде случаев это имеет следующий комплекс причин:

- невысокий уровень владения русским языком не позволяет мигранту изучить требования российского миграционного законодательства еще в государстве выезда. Мигрант руководствуется информацией из социальных сетей и от знакомых, а эти данные зачастую недостоверны и ошибочны;

- после въезда на территорию РФ мигранту отводится 30 дней на подачу заявления о выдаче патента, при этом он должен встать на миграционный учет, получить необходимое медицинское заключение, сертификат о знании русского языка. Зачастую в целях ускорения такой процедуры мигрант обращается за помощью к посредникам (диаспорам, некоммерческим организациям и сомнительным юридическим консультациям), которые иногда занимаются откровенным мошенничеством;

- недобросовестный работодатель, предлагает мигранту оформиться без наличия необходимых разрешительных документов, а по прошествии 30 дней, когда мигрант уже не может подать заявление на оформление патента, фактически переводит мигранта на нелегальное положение и получает возможность манипуляции таким работником, в том числе, не выплачивая ему заработную плату.

Существующая высокая миграционная привлекательность России для выходцев из государств постсоветского пространства обусловлена имеющимися особенностями российского миграционного законодательства, которое способствует развитию преференциальных отношений с государствами СНГ и таким образом культивирует зависимость российского рынка труда иностранной рабочей силы от притока внешних трудовых ресурсов из нескольких государств-доноров.

Российская миграционная система дифференцирует внешнюю трудовую миграцию в двух плоскостях. Миграционное законодательство выделяет категории высококвалифицированных и квалифицированных специалистов, а также реализует различные порядки получения разрешительных документов для потенциальных трудовых мигрантов относительно их государства выезда. К первой группе российское законодательство относит мигрантов из государств ЕАЭС, для которых образован единый рынок труда рабочей силы на всей территории Союза. Ко второй группе относятся мигранты из государств – участников СНГ, не являющихся членами ЕАЭС, для которых предусмотрена процедура оформления разрешительных документов в виде патента на осуществление

временной трудовой деятельности. В третью группу входят мигранты из всех остальных государств. Для данной группы процесс осуществления временной трудовой деятельности в России представляется наиболее сложным и требует помимо оформления разрешения на работу оформления разрешения на привлечение иностранной рабочей силы.

По убеждению кандидата исторических наук В.В. Комаровского [2], в Концепции государственной миграционной политики РФ на 2019–2025 гг. не получила необходимого отражения трансформация миграционной политики основных принимающих стран, акцентирующей роль трудовой миграции в повышении экономической конкурентоспособности. Система регулирования притока и использования иностранной рабочей силы (ИРС) в России включает три категории трудовых мигрантов: из них две безвизовые – граждане стран – членов ЕАЭС, приравняемые к национальной рабочей силе; выходцы из прочих стран СНГ (работа на основе патента) и визовый поток трудовых мигрантов из третьих стран.

Миграционное регулирование обуславливается социально-экономическими потребностями принимающей страны в тех или иных категориях мигрантов, интенсивностью их притока, необходимостью его или стимулировать, или ограничивать в определенный период. Для Евросоюза сегодня на передний план выходят задачи ограничения притока мигрантов, противодействия нелегальной миграции и укрепления внешних границ ЕС, в то время как перед Россией новой Концепцией ставятся задачи совершенствования нормативно-правового регулирования притока иностранцев, содействия переселению соотечественников, привлечения и адаптации востребованных категорий трудовых мигрантов из визовых стран.

Принятие новой Концепции миграционной политики вносит существенные коррективы в миграционную политику страны, переносит ее акцент на добровольное переселение соотечественников, совершенствование действующего миграционного законодательства и усиление борьбы с его нарушениями. При любом развитии социально-экономической ситуации, увеличении или снижении потребности в ИРС, анализ и прогноз динамики спроса и предложения на нее на отечественном рынке труда становится все более насущной проблемой для дальнейшего развития страны и предотвращения негативных явлений.

В статье «Роль и место внешней трудовой миграции в структуре иностранной рабочей силы» В.В. Комаровский [3] исследует

роль трудовых мигрантов из стран постсоветского пространства в экономическом обеспечении российских домохозяйств. Наряду с введением в научный оборот ранее не использованных данных выборочного опроса, проведенного Росстатом в 2019 г., автор выявляет специфику отраслевого распределения контингентов выходцев из постсоветских стран.

В силу исторических условий выходцы из стран СНГ, составляющие большинство трудовых мигрантов, представляют интерес с точки зрения понимания динамики вхождения и адаптации в российских условиях. Доля лиц, проживших в России более 5 лет и адаптировавшихся к ней, составляет в среднем 83%. Наибольшее число осевших в России внешних мигрантов приходится на долю украинцев (25%), казахов (22%) и узбеков (15%).

Рассмотрение проблем трудовой миграции предполагает анализ взаимодействия приезжих работников с работодателями. Однако этой определяющей стороне отношений уделяется недостаточное внимание. По всей видимости, значительная доля работодателей, нанимающих иностранцев, в поле зрения выборочного статистического наблюдения 2019 г. не попала. Данные о заключении трудовых договоров официально не публикуются и частично даже не предоставляются работодателями.

Подавляющее большинство работодателей относится к малым и индивидуальным предпринимателям. При этом общая численность предпринимателей, нанимавших иностранцев, составила незначительную долю предпринимателей – членов домохозяйств (15,5%), основная сфера бизнеса которых – торговля, ремонт автотранспорта и т.п. (39%), строительство (17%), обрабатывающее производство (12%). В силу ограниченности отраслей использования ИРС, численность иностранцев, нанимаемых данной категорией работодателей, была относительно невелика – 466,6 тыс. человек, из которых выходцы из стран СНГ составляли 429,8 тыс. (92,1%). Почти две трети иностранных работников (60%) приходилось на выходцев из Узбекистана, Таджикистана и Украины.

Автор делает вывод: концентрация значительной доли трудовых мигрантов в определенном спектре отраслей предоставления услуг домохозяйствам (населению) в основном включает строительство и ремонт, сельхозработы и транспортные услуги. Занятость в иных секторах распространена гораздо слабее, что коррелирует с профессионально-квалификационной структурой трудовых мигрантов. Наблюдаются и национальные предпочтения занятости в тех или иных секторах.

Сопоставление полученных результатов с данными официальной миграционной статистики позволяет получить более четкое понимание реальных спроса и предложения услуг иностранной рабочей силы из стран СНГ на отечественном рынке труда, создает возможность для подготовки прогноза потребности в их услугах и разработки плановых показателей.

В статье «Россия и СНГ: динамика миграционных потоков» [4] В.В. Комаровский отмечает, что за последние 5–6 лет произошло существенное перераспределение потоков внешней миграции в Россию. Прежде всего это касается трудовой миграции – значительно сократилось предложение иностранной рабочей силы (ИРС) из визовых стран, особенно европейских, стабилизировалось количество трудовых мигрантов из стран постсоветского пространства (СНГ и ЕАЭС).

Как следует из статистических данных, пересечение российской границы гражданами безвизовых стран имеет много общего, хотя наблюдается и ряд национальных особенностей. Эти особенности касаются не только масштабов въезда, но и предпочтительных целей въезда, его интенсивности. Для таких стран, как Казахстан, Украина, Азербайджан, Армения, Молдова и Беларусь, «частный» характер большинства въездов в Россию остается преобладающим.

Ежегодные максимальные показатели присущи Узбекистану и Таджикистану, что – в сопоставлении с данными об общей численности трудовых мигрантов из этих стран – позволяет рассматривать это явление как показатель максимального спроса на ИРС в России в данный период, удовлетворяемого предложением труда выходцами из названных стран. Киргизия также выступает заметным поставщиком ИРС для отечественного рынка труда (2019 г. – 58% всех въездов).

Значительный интерес представляет межстрановая динамика въездов. По данным пограничной службы ФСБ, в 2019 г. в Россию въехало 199,4 тыс. граждан Казахстана, указавших целью визита «работу», а по данным МВД РФ первично было зарегистрировано лишь 136,2 тыс. человек, приехавших с той же целью.

Узбекистан на протяжении многих лет выступает крупнейшим поставщиком ИРС на российский рынок труда, причем, с высокой степенью вероятности, значение российского рынка труда для граждан РУ будет сохраняться достаточно долго. Всего в 2019 г. на миграционный учет в целях получения работы встало 2,1 млн граждан Узбекистана, и год от года эта цифра устойчиво растет.

Таджикистан занимает второе место по численности трудовых мигрантов в Россию после Узбекистана. Что касается структуры потоков миграции граждан Таджикистана, то, по сравнению с Узбекистаном, доля претендентов на работу среди мигрантов в Россию в 2019 г. была гораздо выше – 82% против 57%, хотя по численности этот показатель более чем вдвое ниже (875,1 тыс. человек).

Характер миграций из Киргизии имеет свои особенности, хотя страна является членом ЕАЭС и имеет безвизовый режим трансграничных передвижений с Россией. Для Киргизии и Узбекистана сопоставимы показатели 2019 г. по доле въезжающих в целях получения работы (58% и 57% соответственно), так же как и по доле частных поездок (28% и 32%). Объемы и интенсивность въезда выходцев из Азербайджана привлекают внимание своим постоянством. Как представляется, прежде всего – это хорошо налаженная торговля сельхозпродукцией.

Туркмения, в силу политического курса ее руководства, существенно отличается по масштабам миграционного обмена с Россией от всех стран СНГ. Значимую роль играет визовый режим Туркмении для всех стран, в том числе и для РФ. Присутствие туркменских работников в России увеличивается через квотные механизмы приема визовых мигрантов. Прежде всего, они заняты в турецких строительных фирмах. На миграционный учет поставлено 4,8 тыс. человек, указавших работу как цель въезда. В 2019 г. на первые места вышли деловой мотив пересечения границы (29%) и туризм (26%).

Анализ особенностей въезда граждан из десяти постсоветских республик в Россию на протяжении последнего десятилетия позволяет сделать ряд выводов.

1. Статистика въездов и регистрации мигрантов в России за рассматриваемый период дает представление о национальных траекториях миграции граждан стран постсоветского пространства.

2. Национальные контингенты мигрантов имеют свои национальные и региональные особенности, связанные с историческим прошлым, социально-экономическим и политическим положением страны-донора.

3. Характер траекторий, по которым происходит распределение числа въездов в Россию на протяжении последнего десятилетия, их относительно стабильная цикличность дают право говорить о высокой степени взаимозависимости механизмов взаимодействия с российскими партнерами, прежде всего на рынке труда.

4. Полученные результаты свидетельствуют о возможности распределения рассмотренных стран по двум типам взаимодействия: (1) основанного на предоставлении востребованной рабочей силы и (2) ориентированного на достижение целого спектра частных целей и задач (от переезда на ПМЖ до удовлетворения различных бизнес-интересов).

5. В зависимости от размеров стран-доноров, наличия свободной рабочей силы, ориентированной на трудовую миграцию, определяется вклад в удовлетворение потребности принимающей страны, занятие тех или иных свободных ниш на ее рынке труда.

6. Различная интенсивность въездов из отдельных стран определяется сроками достижения поставленных целей (прежде всего, объединяемых понятием «частные»). Более долгосрочные цели, такие как работа и учеба, существенно влияют на длительность пребывания и частоту пересечения мигрантами границы.

7. Дифференциация подходов к анализу длительности пребывания углубляет представления о механизмах и побудительных мотивах пересечения российской границы.

Основными задачами миграционной политики любой принимающей страны являются удовлетворение потребностей экономики в иностранной рабочей силе и защита отечественных работников от недобросовестной конкуренции. В наднациональных объединениях встает также проблема формирования единого рынка труда (ЕАЭС и ЕС).

Очевидно, что без объективного представления о динамике и структуре целей и задач, преследуемых иностранными гражданами в нашей стране, едва ли возможно говорить о сбалансированной миграционной политике, об эффективной системе отбора и отсева востребованных и избыточных категорий иностранцев.

Заключение

Миграционные процессы в современном мире не снижают своей актуальности в глобальной политической повестке. После распада СССР Россия становится одним из самых крупных акторов миграционных процессов со своей особенной миграционной системой. Выявляя изменения в российском миграционном законодательстве, позволившие выстроить современную миграционную систему, авторы также рассматривают особенности государственного управления миграционными процессами в современной России и дают предложения по ее совершенствованию. За пост-

советский период Россия стала страной – реципиентом миграционных потоков наравне с США, Германией и рядом других государств высокой миграционной привлекательности. Современные российские эксперты отмечают особенности не только реализуемой государственной миграционной политики, но и сформированный миграционный режим, основной задачей которого является привлечение иностранных граждан для обеспечения своих национальных и экономических интересов.

Миграционная привлекательность России на постсоветском пространстве требует от российской власти выработки новых подходов в области адаптации и интеграции внешних мигрантов. Формируемые условия адаптации и интеграции мигрантов важны для эффективной реализации не только миграционной, но и национальной политики. В связи с этим возрастает значимость взаимодействия органов государственной власти, как на федеральном уровне (МВД России и Федеральное агентство по делам национальностей), так и на региональных уровнях (администрации субъектов РФ), с институтами гражданского общества.

В России есть советы по взаимодействию с религиозными организациями, централизованные религиозные организации, общественные национальные сообщества, которые могут координировать усилия по адаптации мигрантов. Мусульмане-мигранты, большинство которых находится в крупных российских городах, из-за нехватки мечетей, молельных домов оказываются вне сферы влияния представителей российского мусульманского духовенства. Тогда как просветительское влияние духовенства, ориентированное на культивирование общероссийской идентичности, могло бы способствовать адаптации и препятствовать тенденциям сегрегации мигрантских сообществ.

В настоящее время вопросы адаптации и интеграции иностранных граждан в России не имеют соответствующего нормативного правового закрепления, что тормозит реализацию закрепленного в Концепции миграционной политики механизма взаимодействия. Вместе с тем обновленная Концепция, утверждают исследователи, отвечает современным миграционным вызовам и позволяет противодействовать миграционным рискам.

Список литературы

1. *Зорин В.Ю., Бурда М.А.* Формирование и институционализация государственной миграционной политики в современной России // *Politbook*. – 2020. – № 1. – С. 113–128.
2. *Комаровский В.В.* Проблемы регулирования трудовой миграции в современной России // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64. – № 3. – С. 105–110.
3. *Комаровский В.В.* Роль и место внешней трудовой миграции в структуре иностранной рабочей силы // *Социально-трудовые исследования*. – 2020. – № 41 (4). – С. 80–93.
4. *Комаровский В.В.* Россия и СНГ : динамика миграционных потоков // *Россия и новые государства Евразии*. – 2020. – № 2 (47). – С. 151–170.
5. *Михайлова Н.В., Бурда М.А., Гришин О.Е.* Государственная миграционная политика России : актуальные вопросы внешней трудовой миграции // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2020. – № 4 (142). – С. 9–15.
6. *Пронина Т.С.* Миграция в современной России и религиозный фактор // *Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина*. – 2020. – № 3. – С. 225–240.